

ТВОРЧЕСКИЙ ДИАЛОГ ХУДОЖНИКА П. ФИЛОНОВА И ПОЭТА Н. ЗАБОЛОЦКОГО В СВЕТЕ НАТУРОФИЛОСОФСКИХ ИДЕЙ РУБЕЖА XIX—XX ВЕКА

А В Т О Р
А с п и р а н т
З О Л О Т Н О В А
Ю л и я В л а д и м и р о в н а

Великие естественно—научные открытия рубежа XIX — XX веков влияли на все слои культуры. Так, изучение космоса, человека и природы учеными естественно—научного направления Циолковским К. Э., Вернадским В. И., Менделеевым Д. И., Тимирязевым К. А., Мичуриным И. В. находили свое воплощение в поэзии Николая Заболоцкого и живописи Павла Филонова.

1

Особенностью учения Циолковского является восхождение античного гилозоизма, говорившего о том, что материя как таковая является живой субстанцией. Он писал: «Вся сущность космоса (как и все его виды) в зачатке жива и, принимая органически сложные формы, способна чувствовать радость и страдание, способна мыслить, судить, представлять и действовать» (4). Приняв участие в организации человеческого организма, особенно его мозга, атом обретает чувствительность осмысленную. Попадая же в растение, атом почти теряет это свойство, однако «чувствующие» атомы есть даже в камне.

В этом мысль Циолковского перекликается с мыслью Заболоцкого:

*...Все, все услышал я — и трав
вечерних пенье,
И речь воды, и камня мертвый крик. (1)*

Знакомясь дальше с творчеством Николая Заболоцкого, обнаруживаем, что атом в его понимании вбирает в себя всю вселенную, и вся вселенная отражается в одном атоме, одним словом, что макрокосм и микрокосм — едины:

*Когда вдали угаснет свет дневной
И в черной мгле, склоняющейся к хатам,
Все небо заиграет надо мной,
Как колоссальный движущийся атом... (1)*

И тут исследования поэта находят параллели с исследованиями микрокосма и макрокосма советского художника Павла Филонова. Вот что пишет об этом исследова-

тель творчества художника Е. Ковтун: «Атомистические структуры Филонова вырастают из микромира, пронизанного теми же свойствами, что и макровселенная» (2). Вселенная может быть бесконечна, как в перспективе космоса, так и вглубь атома. И, следовательно, наше представление о космосе меняется. Космос — это не только то, что находится за пределами земли, но и то, что есть внутри каждого атома, с той же головокругительной перспективой внутри ядра, атома, электрона, протона, частицы эфира, кванта... Внутри человека, его сознания. И, возможно, между макромиром и микромиром существует какая-то связь.

Ответы на эти вопросы попробуем отыскать в самом творчестве Павла Филонова.

В работе «Победа над вечностью» (3), написанной в 1920—1921 году, в едином атоме, или, как художник называл, «единице действия», отражается весь макрокосм. А в разросшихся до гигантских размеров структурах видно отражение маленького атома или микромира. Как будто вселенная представляет собой подобие тыквы со сквозным отверстием посредине. Точка внутри тыквы — микромир, но она может тут же оказаться на внешней орбите тыквы, стать макромиром. Сам художник чувствовал ценность своих художественных открытий, однако официальные власти его игнорировали, а, может быть, даже боялись.

Художник говорил ученику: «Упорно и точно рисуй каждый атом...упорно и точно вводи прорабатываемый цвет в каждый атом, чтобы он туда въедался, как тепло в тело, или органически был связан с формой, как в природе клетчатка цветка с цветком» (курсив автора, — Ю.З.) (2). Атом у Филонова органичен, тепел, жив, как и «чувствующие» атомы Циолковского и Заболоцкого. Они не механистичны, не мертвы, как, например, у Малевича, у которого космос предстает чистой математикой, геометрией, абстракцией. В работе «Формула весны» (1927—1929) сквозь филоновские «органические» структуры и сосуды проступает нечто, похожее на зарождение жизни, происходящее извне, из космоса. И это очень точная формула «вечной» весны, то зарождение жизни в космосе, которое дает начало всему. Эту мысль подтверждает сам Филонов, стремящийся, по свидетельству Е. Ковтуна, к «сделанности биологического роста» (2).

2

Все во вселенной живо, органично, все чувствует. И это другая точка соприкосновения художника Павла Филонова, поэта Николая Заболоцкого и ученых натурофилософской школы.

Заболоцкий переписывался с Циолковским. Но к идеям о чувствующем атоме, о единой органической связи всего живого он пришел самостоятельно. В начале 30-х годов Заболоцкого, уже выпустившего первую книгу стихов «Столбцы», интересовали вопросы устройства человека, животного, космоса и идеи ученого легли, что называется, на благодатную почву. Поэт одухотворяет природу, не отказывая ей в наличии разума в одном случае, наделяя ее разумом человека в другом и говоря о наличии высшей гармонии космоса в третьем.

Коровицы,
1914 г.
Холст, масло

*В печальный час, когда исчезла сила,
Когда вокруг не стало никого,
Природа в речке нам изобразила
Скользкий миг сознания своего (1).*

Под влиянием панпсихизма Циолковского Заболоцкий ставит природу наравне с человеком и космосом. И поэтому «трепетало в листах непривычное мысли движение», «кузнечик, маленький работник мироздания, все трудится, поет, не требуя внимания...» (1). Подобные идеи были высказаны и Тимирязевым в книге «Жизнь растений»: «Не допустить ли, что сознание разлито в природе, что оно глухо тлеет в низших существах и только яркой искрой вспыхивает в разуме человека» (5).

Заболоцкий подхватывает идеи Циолковского о бессмертии материи.

Ученый пишет: «Неуничтожаемость и нерождаемость материи составляет основу всех научных изысканий» (6). По мнению ученого, атомы после процесса разложения и момента небытия снова могут составить в какие-то соединения и стать травой, животным, человеком или каким-то высшим существом. В этом Заболоцкий солидарен с ученым: «Мысль... была простым цветком... А то, что было мною, то быть может, опять растет и мир растений множит» (1).

Но во взглядах на животный мир между ученым и поэтом были расхождения. Ученый считал, что животные и больные люди не должны размножаться и должны постепенно исчезнуть. Видимо, Циолковского пугала стихийность, неорганизованность животного мира, или его смущала мысль возродиться когда-нибудь в образе животного и быть съеденным. Заболоцкий однозначно был не согласен с ученым по этому вопросу. Вот что пишет Н.Н. Заболоцкий, сын поэта: «Николай Алексеевич представлял, что они (животные, — прим. Ю.З.) органически войдут в общую систему обновленного существования и с помощью человеческого разума будут развиваться в этой системе, внося свой незаменимый вклад в нравственную и физическую полноценность мира» (6). Видимо, поэт понимал всю органическую необходимость животного мира для поддержания экосистемы планеты. Он предлагает обучить природу человеческому сознанию:

*Березы, вы школьницы!
Полно калякать
Довольно скакать, задирая подолы!
Вы слышите, как через бурю и слякоть
Ревут водопады, спрягая глаголы?..*

*... Мы, люди — хозяева этого мира,
Его мудрецы и его педагоги...(1).*

3
Еще одна точка соприкосновения поэзии Н. Заболоцкого и живописи П. Филонова — в отношении к высшей гармонии и счастью. В этом вопросе есть как объединяющие моменты, так и моменты расхождения. Природа вызывает доверие у поэта тогда, когда он чувствует в ней мгновения полной тишины, величия и покоя. Возможно, этот тот миг, когда макровселенная и микровселенная находятся в единстве космической гармонии, может быть, именно тогда они органически связаны друг с другом. А может быть, это миг рождения или смерти, когда наступает нечто неизведанное еще нашему разуму. У христиан это момент слияния с Богом, у буддистов — состояние «сатори», а у светских людей это мгновение осознания единства с самим собой. Вот как описывает подобное состояние Заболоцкий.

*... Встает тот нежданно мгновенный,
Пронзающий душу покой,*

*Тот дивный покой, пред которым,
Волнуясь и вечно спеша,
Смолкает с опущенным взором
Живая людская душа (1).*

У художника Павла Филонова такой миг написан символически в картине «Лики». Миг гармонии и покоя проступает сквозь хаос, преодолевая дисгармонию и организуя этот мир. В отличие от православной традиции, где лики изображаются оторванными от реальной жизни, неземными, вертикально «возвышенными», атеист Павел Филонов пишет два лика сквозь боль, кровь, атомы зримого мира, пульсирующую органическую, биологическую

жизнь. Здесь художник и поэт совпадают. Они хотят сказать, что высшая гармония это не где-то там, на небе, в космосе. Она среди нас, на земле. Она — сквозь боль и радость, она материальна, и каждый может быть причастен к этой высшей гармонии... Из живого, страдающего сердца рождаются «лики» или космическая гармония. Счастье не в отрешении, счастье — в преодолении хаоса, счастье зависит от дел человека. Это не абстрактное и статичное счастье Циолковского, лишённое человеческих страданий, очищенное от всего больного и слабого. Нет, Филонов и Заболоцкий, каждый по-своему, знают счастье сквозь боль. Они прекрасно понимали, в какое кровавое время живут и сами подвергались репрессиям. Они знают, что в больном, измученном человеческом теле может биться живое, чувствующее, доброе и сильное сердце. Они знали, что доведенный до отчаяния человек, который, однако, хранит верность своему делу, может обладать завидной силой духа и хранить в душе высшую доброту, высшую любовь, высшую справедливость. И именно в это мгновение человеческое сердце причастно к высшей гармонии вселенной. Далее мы рассмотрим этот вопрос подробнее.

4

Еще одна точка соприкосновения. Филонов и Заболоцкий пытались отнестись к своему искусству «по научному», как к выражению конкретного «объективного знания», данного не только в непосредственном видении, но и в разумном осмыслении предмета и в интуиции. «Я «вижу», «знаю», «интуирую», — писал Павел Филонов (2), прямо называя свой художественный метод «аналитическим». Н.Н. Заболоцкий говорил о методе Н.А. Заболоцкого так: поэт идет от взгляда на мир «голыми глазами» к осмысливанию, упорядочиванию и затем к отражению этой упорядоченности в поэзии. Недаром его интересовало именно строение кар-

тин природы» (7).

В стихотворении «Лодейников» Заболоцкий вглядывается внутрь жизни растений:

*Трава пред ним предстала
Стеной сосудов. И любой сосуд
Светился жилками и плотью (1).*

В этом пытливом изучении структуры растительного и животного мира Заболоцкий подобен ученому-биологу. Недаром у него лес превращается в лабораторию:

*В каждом маленьком растеньице
Словно в колбочке живой
Влага солнечная пенится
И кипит сама собой (1).*

И снова поэт, теперь уже как физик пишет о взаимопроникновении и единстве вселенной:

*Жизнь потоком светящейся пыли
Все текла бы, текла сквозь листья,
И туманные звезды светили,
Заливая лучами кусты (1).*

Можно сказать, что в данном случае Заболоцкий выступает прямым наследником тургеневского Базарова, который выразил свое отношение к природе недвусмысленно: «природа — не храм, а мастерская, а человек в ней — работник». Тем самым поэт продолжает линию русской материалистической философии XIX столетия, преломляя ее сквозь призму реалий века XX, но в своем творчестве он идет дальше, к страдающему, чувствующему, мыслящему человеку.

Очевидно, что Заболоцкий далек от романтической идеализации природы — знакомый с учением Ч. Дарвина, он ясно видит в ней борьбу за существование. Причем в этой борьбе участвуют и люди, о чем Заболоцкий горько

Победа над вечностью,
1920—1921 г. Фанера, масло

и саркастически писал в своем раннем творчестве. Однако человек имеет возможность осмыслить свое существование, и только в нем могут пробудиться осознанное страдание, любовь, только он способен жить не по животным законам, и только у него борьба за существование отступает на второй план.

Павел Филонов тоже изучает структуру цветка, животного, человека как ученый. Он анализирует все живое, разлагает на составляющие. Он пишет, что именно «атомистическая структура ствола, ветвей», «усики корней, соки почвы, как эти соки бегут по клеточкам древесины...» и должно интересоваться художника, «а не внешность яблони» (2). Он доказывает это в работе «Цветы Мирового расцвета». Здесь растения живут своим внутренним, природным движением. Цветение и листопад, движение и жизнь, прорастание и умирание запечатлел Филонов в этой работе. У художника была написана поэма «Пропевень о проросли мировой», где он пытается свои живописные находки воплотить в стихотворчестве. Стихи Филонов тоже членил на составляющие, однако он не учитывал законов жанра и опыт оказался не удачным.

5

К природе художник и поэт, в отличие от ученых, подходят не только аналитически, но и символически, пытаются проникнуть в суть животного, выявить его предназначение. Например, предназначение обычного петуха. У Филонова он есть составляющее звено между природой, человеком и космосом. Петух активно «будит» человека в картине «Коровницы». В идиллии коров и коровниц он — единственное пробуждающее начало. В работе «Крестьянская семья» («Святое семейство») петух задумчиво склоняет свою голову к цветку, оттеняя появление в крестьянской семье младенца. Петух словно задумался, как будто чувствуя связь мира людского, растительного, животного и космического. В работе есть и другие животные: тонконогий жеребенок радуется младенцу, как маленький апостол, а злобный волк как будущий гонитель Христа лязгает зубами.

У Заболоцкого тоже особенное отношение к петуху. В стихотворении «Петухи поют» поэт наделяет петухов «таинственным разумом созвездий» и их душой (1). Петух у поэта — часы мира. Когда нужно будить мир от спячки, он будит. Это хронометр космоса, воплощенный на земле. Совершается какое-то великое событие, и петухи криком своим возвещают о нем. Например, солнышко взошло, война началась, человек родился:

*Нет, не бьют эти птицы баклуши,
Начиная торжественный зов!
Я сравнил бы их темные души
С циферблатами древних часов (1).*

6

И, наконец, Филонов и Заболоцкий по-своему видят суть и предназначение человека.

Время, в которое они творили, было противоречивым. Тогда наиболее ярко проявлялось все зверское, животное в человеке, однако это время и великих испытаний, когда в человеке открывалось и все самое ценное.

В 1930-е годы на ленинградского художника Павла Филонова начинаются гонения. Выставку 1930 года в Русском музее запрещают, в стенах Академии художеств его травят как педагога, «работают» с его учениками.

После 1937 года его жизнь становится еще тяжелее. Аресты родных, безденежье... многие отворачиваются от художника. Но несмотря ни на что, Филонов продолжает

писать картины, не продавая ни одной, — благодаря чему его комнатка становится настоящим музеем аналитического искусства. Филонов ревностно охраняет этот музей вплоть до 1941 года, года своей смерти. Все это особым образом обусловило его творчество, заставив четче обозначить отношение к человеку.

Он оставался всегда верным принципу: «не так интересны штаны, сапоги, пиджак или лицо человека, как интересно явление мышления с его процессами в голове этого человека» (2).

В работе «Люди» начала 1930 годов Филонов, можно сказать, поет гимн человеческому сознанию. Картина разделена как бы на два плана. На заднем плане представлены фигуры обычных людей, на чьих лицах лежит печать деградации, и отсвет разума едва виден. Среди них выделяется в правом верхнем углу лик, обладающий заостренными чертами, и мы можем обнаружить в нем сходство с лицом Сталина. Но истинным откровением предстают две фигуры на переднем плане. Их тела как будто выточены из голубых кристаллов и переливаются каким-то неземным светом. Лица обоих одухотворены, они представляют как бы две ипостаси человеческого духа — лицо у одного из них светится тонко чувствующим интеллектом, а в лице другого более ярко запечатлено волевое начало. Это лучшие люди своего времени, заставляющие вспомнить героев А. Платонова. Центральная фигура напоминает самого мастера. Именно свет сознания видел и ценил в людях Филонов.

Другие работы не настолько пропитаны верой в человека. Работа «Человек в мире» написана в тревожных красно-сине-черных, контрастных тонах. В глазах человека только ужас, нет и намек на сознание, и медленно, как шестеренки в проржавленном механизме, ворочаются его мысли. Конечно, такие работы могли быть растолкованы, как пасквили на советского труженика. Однако человек у Филонова показан в процессе становления и развития, как все в космосе. На той же работе есть дети — грустные и похожие на клоунов. А есть лица, захваченные природно-биологическим движением, но в глазах которых уже присутствует осмысленность. Филонов писал о самом рождении человеческого и сознательного в недрах биологической природы человека. О медленном превращении человека в Человека. Но, конечно, он не мог не видеть деградации, происшедшей в советском обществе. Вот работа «Одиннадцать голов», выполненная в серо-голубом «техническом» колорите. Головы написаны, как части механизма. На лицах недоумение, смятение, мучительное прозрение, тоска, тупое подчинение, подобострастие, страх... Все это — чувства советских людей начала 30-х годов, на глазах которых происходило убийство творческого начала, пробужденного Серебряным веком и актуализированного революциями 1917 года.

7

Ощущение своей эпохи, состояния земного космоса и микроклимата Филонов выразил в работе «Композиция. 1930-е годы». Основной цвет работы — красный. Но революционный пафос красного цвета здесь явно трансформируется в страшный, противоположный по значению, мистико-биологический танец. Система кровеносных сосудов сжимает другие цвета, и в мягких плавных линиях видны «задушенные» микроструктуры, чьи-то головы, чьи-то клетки. Слово все живое «прошивается» нервно-красной тканью сосудов, каким-то лихорадочным биологическим движением. Работа, похоже, изображает «вешних дней лабораторию» Заболоцкого, однако, соком, составляющим основу ее пульсации, является кровь народа. Филонов у-

Две головы 1925
г. Бумага, масло

Девять голов,
нач 30-х г.
Холст, масло

дожественно отразил предощущение страшной кровавой трагедии, которая началась в Советском Союзе в 30-е годы. При взгляде на работу Филонова, кажется, что это какая-то космическая мистерия. Однако творили эту мистирию люди. И Филонов гениально отразил те разрушительные процессы, которые происходили в головах и сердцах людей, обезличивая их до частей биологического организма. Это остро почувствовал Глеб Путиловский, знакомый художника. Он писал из лагеря: «Здесь, когда глядишь на эту природу, на этих собранных со всех концов людей — его огромный талант делается понятнее, доступнее. Проясняется!» (2). Сам Филонов в манифесте 1914 года декларировал следующее: «...самое ценное в картине и рисунке — это могучая работа человека над вещью, в которой он выявляет себя и свою бессмертную душу». Кажется, что именно эта душа и проступает во всех работах Филонова в его отношении к тому, что он видит вокруг. Его душа чувствует органический земной космос и отражает его.

8

Не менее трагическая судьба была и у Н.А. Заболоцкого. 7 лет лагерей и поселений, жутчайшие условия на сибирском лесоповале, 7 лет поэтического молчания. И — поэзия Заболоцкого делается еще пронзительнее. Появляется боль, просочившаяся в стихи. И на этом фоне ярче проявляются человеческие ценности, оказавшиеся спасительными в жесточайших условиях тюрем и лагерей. Муза Заболоцкого как будто вобрала в себя всю Сибирь, всю эту тяжелейшую работу и всю эту грандиозную природу, в которой оказался поэт. Именно любовь к природе, понимание ее устройства, сопричастность с ней и слияние с ней и спасло Заболоцкого. Но теперь в этой природе появляется осознающий себя человек.

*Соперничая с блеском небосвода
Здесь, посредине хлябей и камней,
Казалось в небо бросила природа
Всю ярость красок, собранную в ней...*

*...Здесь, в первобытном капище природы,
В необозримом вареве болот,*

*Врубаясь в лес, проваливаясь в воды,
Срываясь с круч, мы двигались вперед...(1).*

Через природу Заболоцкий отразил мучения, которые испытывал человек в тех условиях. Уже потом страшные воспоминания вновь вставали перед ним в снах и яви, преследовали его и возвращали снова и снова в то время.

*Там в ответ не шепчется береза,
Корневищем вправленная в лед.
Там над нею в обруче мороза
Месяц окровавленный плывет (1).*

После семи лет изгнания Заболоцкий начинает чутко всматриваться в людей. И раньше поэт отмечал ум и силу человека, грандиозный размах его строительства, его научных изысканий. Но теперь Заболоцкий видит трагизм человеческого существования. Появляются такие стихи как «Смерть врача», «Слепой». В стихотворении «Где-то в поле возле Магадана» автор сочувствует судьбе двух стариков-заклученных, замерзших в тайге.

*Вся душа у них перегорела
Вдалеке от близких и родных,
И усталость, сгорбившая тело,
В эту ночь снедала души их...*

*...Стали кони, кончилась работа,
Смертные доделались дела...
Обняла их сладкая дремота,
В дальний край, рыдая, повела...(1).*

И все сильнее стали цениться простые человеческие чувства, которые отзываются эхом в душе природы и обращены к вечным ценностям. В стихотворении «Это было давно» старушка на кладбище протягивает поминальный хлеб голодному, исхудавшему человеку. И все звезды ликуют от этого жеста. Появляется стихотворение «Облетают последние маки», где человеческое сердце печалится, что человек растерял свою душу, что изменил сам себе. И космос, и природа становятся помощниками человеку в обретении самого себя. Может быть, свет высшего добра и вселенского сознания коснулся писателя, пережившего

такие страдания, но сохранившего свою душу. Теперь в поэзии Заболоцкого природа уже не только лаборатория, через человека Заболоцкий острее чувствует дыхание вселенной, ее внимание к человеку, о котором писал Циолковский. Но здесь, на земле оно проявляется именно в человеческой душе. Поэтому в стихотворении «Некрасивая девочка» Заболоцкий восхищается именно ее душой.

*Чужая радость так же, как своя,
Томит ее и вон из сердца рвется,
И девочка ликует и смеется,
Охваченная счастьем бытия* (1).

Заболоцкий, так же, как и Филонов, пишет о человеческих лицах, но он среди «холодных, мертвых» лиц или лиц, как темницы, ценит лицо-хижину, из которой «струилось дыхание весеннего дня»... (1) и пишет, что именно такие лица, такие души и составляют лучшую песню вселенной.

На этом мы пока закончим наш сравнительный анализ и подведем итоги.

В пореволюционную эпоху в России впервые в мировой истории охватило такое большое количество творческих людей внерелигиозное, научное мировоззрение. Либо кардинально переосмыслив понятие бога, ничего не оставив в нем от догматического, ортодоксального толкования, либо отбросив его совсем, представители разных отраслей творческой деятельности мощно продвинули человеческую мысль вперед. В науке это проявилось в блестящих исследованиях ученых в области физики, математики, геометрии, биологии, геохимии, и смежных науках. Они изучали строение клетки и строение вселенной, строение земли и строение атома. Так, например, академик Вернадский исследовал строение и состав земли. Циолковский строил научные гипотезы освоения космического пространства и работал над созданием первой космической ракеты. Понятие Бога становилось ненужным, заменялось понятием природы или чем-то вытекающим из природы — космосом, вселенной, внеземными цивилизациями. И именно братья по разуму на далеких планетах могли бы быть нравственными судьями землян или их союзниками. В эту эпоху начиналось научно-аналитическое мышление, которое так или иначе развивалось впоследствии в течение всего XX века.

К нему были причастны и творческие люди. Так, в поэзии появились поэты авангардного направления, практически разлагающие форму стиха на составляющие — опыты Хлебникова, Хармса, Крученых, Маяковского. Они активно «препарировали» язык, стихотворение, не уступая любому ученому-аналитику. Другим путем пошел, например, Н. Заболоцкий. Он почувствовал общий пафос эпохи и воспел научную романтику, явно радуясь исследовательскому порыву в науке. Заболоцкий активно изучал работы Циолковского, Вернадского, Тимирязева, Энгельса, Хлебникова и более ранних ученых — Гр. Сковороды, Платона, Гете. Заболоцкий исследует природу и по-новому осмысляет место человека в ней как носителя разума природы.

Не менее интересные поиски осуществляли и художники. Космическое художественное мышление, разложение пространства листа на различные измерения проявилось у художников русского авангарда. Например, у кубофутуристов, супрематистов: Малевича, Кандинского, Ларионова и других. Малевич изучал различные измерения пространства, действуя порою, как геометр. Однако, в его представлении космос мертв, абстрактен, холоден. Его космос — это макровселенная, находящаяся от человека на огромном расстоянии.

Ему «возражает» Филонов. Он считает землю частью

космоса, его микровселенной, являющейся частью макровселенной и состоящей с ней из одного и того же вещества. Вся Вселенная, по его мнению, живет по законам живой органики. У нее есть свои весны и свои зимы. В архитектуре поиски Филонова подхватил Татлин. Его проект башни III интернационала, основанный на биотехнике, развивал идею органических структур в архитектуре (8). Из зарубежных архитекторов этими идеями увлекался Гауди.

Филонов также был образован в научном плане. Он внимательно изучал труды ученых-натуралистов, и его предположения были не безосновательны. Круг интересующих его авторов: Дарвин, Менделеев, Павлов, Мичурин, Пастер. А также Коперник, Галилей, Маркс, Энгельс.

Человек у Филонова, как и у Заболоцкого, — часть вселенной. Он, с одной стороны, биологическое существо, но некоторым людям присущ интеллектуальный свет сознания, через который они становятся причастными к сознанию вселенной. Однако сознание человека может меркнуть, и тогда он превращается только в смертную часть животного царства, которое так же разлагается на составляющие, как и вся материя. В этом аспекте Филонов перекликается с Циолковским, который писал о распаде материи на атомы и о новом ее возрождении в новых формах: в животных, растениях, людях, космических телах. Можно предположить на основании живописи Филонова и работ Циолковского, что неуничтожима не только материя, но и сознание. Таким образом, оно вечно и внепланетарно.

Здесь можно вспомнить об исследованиях Вернадского о биосфере и ноосфере. Биосфера — материя, из которой состоит все на земле. Она неуничтожима и связана с ноосферой — слоем интеллектуальной земной оболочки, на которую влияют мысль, сознание, весь гуманитарный опыт земли. Ноосфера и биосфера влияют друг на друга. В этом аспекте сходятся как натурфилософские поиски ученых, так и гуманитарные поиски творцов XX века.

Сейчас, в век атомной бомбы, космонавтики и общепланетарных интеграционных процессов нельзя забывать о культурных достижениях первых десятилетий XX века, трагических устройствах нашей планеты, зарождение, развитие жизни на земле и значение человека, его сознания, его разума. Они сохраняют актуальность в деле спасения нашей планеты от разрушения и готовят возможные будущие контакты с внеземными цивилизациями.

AV

ЛИТЕРАТУРА

1. ЗАБОЛОЦКИЙ Н. А. «Стихотворения. Поэмы». Пермь. 1986г.
2. ФИЛОНОВ ПАВЕЛ «Дневники» Санкт—Петербург 2000г.
3. НИКОЛЕТТА МИСЛЕР, ДЖО Э. БОУЛТ «Филонов. Аналитическое искусство» Москва, 1990г.
4. ЦИОЛКОВСКИЙ К. Э. «Суд космоса» Москва, 1993г.
5. ТИМИРЯЗЕВ Н. А. «Жизнь растений»
6. ЦИОЛКОВСКИЙ К. Э. «Монизм Вселенной» Москва. 2000г.
7. «ОГОНЬ МЕРЦАЮЩИЙ В СОСУДЕ». Москва. 1995г.
8. «FANTASTIC AND IMAGINATIVE WARKS BY RUSSIAN ARTIST» Leningrad.